

Двѣ смерти.

Б ы л ь.

азсвѣтъ сѣренькаго зимняго дня едва началъ заглядывать въ маленькія оконца лѣсной сторожки, а самоваръ давно уже кипѣлъ и бурлилъ на столѣ, посылая подъ низкій потолокъ клубы горячаго пара. Почти всѣ уже встали. Безпорядокъ, царившій въ помѣщеніи нашемъ, былъ поистинѣ ужасенъ: стаканы съ чаемъ, разобранныя части ружей, чехлы, бурки, снаряженные патроны, разсыпанные на концѣ стола и по лавкамъ,—все тонуло въ клубахъ табачнаго дыма, сквозъ который изрѣдка блестѣла крышка вычищеннаго самовара, когда отворялась дверь въ сѣни, ведущія на черную половину, и струя холоднаго воздуха врывалась съ надворья въ жарко натопленную комнату. Здоровая бодрость чувствовалась послѣ ночи, проведенной на снѣгъ «покотомъ»? Было шумно, людно и весело.

Компанія наша состояла изъ казеннаго лѣсничаго, племянника его, общаго нашего любимца, выпускного юнкера Васи Чаплыгина, товарища Васи по училищу Бориса Орлова, меня, казначея н... общества охоты, да двухъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Оба юнкера недавно только пріѣхали въ нашъ городокъ къ роднымъ изъ училища. Для нихъ-то, главнымъ образомъ, и устраивалась охота съ гончими.

— Эхъ, номеръ тебѣ хорошій попался. А жаль, ей Богу, жаль! Развѣ помѣняемся? Все равно, вѣдь, жарить въ бѣлый свѣтъ будешь!—такъ говорилъ, смѣясь и разставивъ ноги въ высокихъ валенкахъ, грузный и веселый лѣсничій, потряхивая папачой съ номерами и обращаясь къ племяннику, красивому черноволосому юнкеру.

— Опять будетъ то же, что и прошлой зимой. Помнишь? Ну, а у васъ какой, Боря?

Другой юнкеръ въ погонахъ того же училища, улыбаясь, показалъ картонный билетикъ съ четко выведенной цифрой. Номеръ былъ самый надежный.

— На материка вытянулъ! — забасилъ низенькій коренастый казначей, завистливо косясь сквозь очки на счастливецъ и аппетитно посасывая ароматную сигару.

— Давно всѣмъ извѣстно, что вамъ, новичкамъ, везетъ всегда. А все-таки предчувствіе у меня — ничего вамъ сегодня не стрѣлять, воины. Вѣрно.

— Ну, это еще кто знаетъ? — отозвался Борисъ. — А вотъ вы, дорогой мой, такъ ужъ обязательно въ священномъ санѣ домой прїѣдете. Во снѣ видѣль.

— Доѣзжачій съ обходу пришелъ, докладывается! — прошамкалъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, лѣсной сторожъ Потапычъ, входя въ хату и обивая у порога запорошенные снѣгомъ валенки.

— Зови, зови! — раздались оживленные голоса.

Скрипнула дверь, и высокій ражій бородачъ, доѣзжачій Сашка, болѣе извѣстный у насъ за свой голосъ подъ именемъ храпоидола, въ мѣховомъ чекменѣ, туго затянутомъ кинжалнымъ ремнемъ, влѣзъ бокомъ въ горенку и загородилъ собой узенькую дверцу. Лицо его было красно и потно.

— Сбираться изволите! — заговорилъ онъ, кланяясь всей компаніи. — Флачки Антошка отъ бора довѣшиваетъ. Пока дойдете до номеровъ, пока что. А волковъ семеро.

Я съ трудомъ подавилъ въ себѣ желаніе расцѣловать за это извѣстіе Сашкину бородастую рыжую рожу, особенно милую мнѣ въ ту минуту. На общемъ совѣтѣ рѣшили мы заводить гончихъ отъ села, а въ случаѣ гона, доѣзжаему и выжлятнику Антону стараться нажимать звѣря къ той сторонѣ болота, съ краю котораго, на чистотѣ, густо развѣшены были флаги. Такимъ образомъ, оглаженный, сосчитанный и долго ревниво нами оберегаемый волчій выводокъ долженъ былъ имѣть одинъ путь отступленія — на край болота, гдѣ растянута будетъ наша цѣпь.

Проглотивъ наскоро по стакану чаю и напоивъ до-

бзжачаго, живо разобрали мы ружья и гуськомъ потянулись по узенькой тропинкѣ становиться на номера. Ловчій, на черноногомъ буланомъ киргизѣ, легонько подсвистывая, тронулся уже съ стаей въ обходъ, и скоро высокій камышъ скрылъ изъ глазъ нашихъ и его и нетерпѣливо повизгивавшихъ гончихъ. Запоздавшій съ флагами Антонъ рысью двинулся слѣдомъ.

Мѣста, въ которыя мы забрались теперь, послѣ долгихъ сборовъ, давно уже были всѣмъ намъ извѣстны по прежнимъ охотамъ, и мы имѣли основаніе думать, что сегоднѣшній день не обойдется безъ гона. Предполагалось поохотиться дня два. При мысли о предстоящей любимой забавѣ мною овладѣвало чувство тихой и чистой радости, чувство, безъ сомнѣнія, знакомое многимъ начинающимъ охотникамъ, нечасто располагающимъ свободнымъ временемъ. И теперь, подвигаясь впередъ по узенькой дорожкѣ и размѣщаясь по номерамъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ сознавалъ, что по крайней мѣрѣ эти два дня можно отдохнуть, душой слиться съ окружающимъ разливомъ болотъ и лѣсовъ и хоть на время позабыть изрядно надоѣвшую, промозглую и душную канцелярію.

Далеко-далеко звонили къ обѣдни; звонъ, смягченный разстояніемъ, располагалъ, казалось мнѣ, сегодня къ молитвѣ какъ-то особенно сильно. Въ самой пади, посрединѣ болота, гдѣ темнѣлся на островахъ высокій дубнякъ, металлически рѣзко каркалъ воронъ, и разыгравшійся вѣтерокъ глухо шумѣлъ въ верхахъ обсыпанныхъ снѣгомъ сосенъ. Неширокая длинная полянка, по которой вилась дорога, подступала къ бору, языками выбѣгавшему на эту полянку, поросшую мѣстами кустами терна и дикаго персика. Кусты эти представляли отличное прикрытіе и цѣпь наша растянулась за ними лицомъ къ болоту. Широкая низина, чуть не сплошь заполоненная молодымъ олешиникомъ и высокимъ тростникомъ, перепутаннымъ краснѣвшеюся лозой, разстилалась передъ нами, врѣзываясь клиномъ въ подернутый дымкой далекій лѣсъ, подковой охватывающій болото. За лѣсомъ начиналось село, въ сторону котораго не долженъ бы пойти гонный звѣрь. Замерзшее

обширное болото представляло чудное мѣсто для предстоящей охоты и недаромъ славилось въ окрестности какъ звѣровое, крѣпкое и «заразистое».

Такое соображеніе волновало меня въ тотъ памятный для меня день, въ ожиданіи гона. Уже порядочно озябли ноги, несмотря на теплые сапоги и откинутый до земли глубокой снѣгъ. Я славно устроился за высокимъ кустомъ лозы и обстрѣлъ отсюда былъ прекрасный. Вокругъ все проникнуто было могучимъ спокойствіемъ и невольно на душѣ становилось и хорошо, и грустно. Небольшая стайка какихъ-то маленькихъ сѣренкихъ птичекъ, торопливо, съ робкимъ, жалобнымъ пискомъ переносилась съ одного куста на другой, не боясь, повидимому, близости человѣка.

Легкій шелестъ у самой приболоти, заставилъ меня оглянуться. Здоровенный русачище тихонько выбрался изъ кочекъ и, словно зная, что теперь бояться насъ нечего ¹⁾, не спѣша заковылялъ по дорожкѣ вдоль цѣпи, иногда присаживаясь и чутко настораживая уши. Кто-то запустилъ въ него шапкой; заяцъ, сдѣлавъ съ мѣста саженный скачокъ, какъ молнія мелькнулъ въ камыши.

Гдѣ-то вдали послышалось, словно визгнула собака. Минуту спустя, басистый, пѣвучій звукъ рога прорѣзалъ морозный воздухъ и чуть слышный, невыражаемый подкликъ долетѣлъ до нашего слуха. Доѣзжачій, Сашка-храпоидоль, мастерски заводилъ свою стаю.

Но что это? Слухъ уже не обманываетъ меня. Какъ будто, гдѣ-то, съ края болота, подала собака голосъ, голосъ странный, сиповато озлобленный, какимъ не гонять ни по лисѣ, ни по зайцу. Минута—и другой голосъ, басистый, хорошо мнѣ знакомый, примкнулъ къ первому. Я не ошибаюсь. Это отзывается коноводъ стаи, старикъ Соловей, гордость нашей охоты. Еще нѣсколько минутъ напряженного ожиданія, и сплошная тягучая нота гона повисла въ воздухѣ. Ясно было слышно, какъ стая разбилась на-двое и только вела въ нашу сторону.

Загудѣлъ рогъ съ двумя переборами,—гонять по крас-

¹⁾ На волчьей охотѣ не принято стрѣлять по зайцамъ.

ному. Всѣ сомнѣнія отлетѣли, грудь вздохнула легко и свободно.

Совсѣмъ темный небольшой перелярокъ, вытягиваясь въ нитку, катилъ на номеръ Васи. Юнкеръ выдержалъ его наговъ на тридцать и мастерски залѣпилъ подъ лопатку зарядъ залитой парафиномъ картечи. Волкъ ткнулся на бѣгу мордой въ снѣгъ, перевернулся по русачьи черезъ голову и замеръ. Вася, не обращая вниманія на мою сигналистику, бросился къ нему.

Минуту спустя, крайніе кусты лозняка снова слегка закачались, и между высокими, обсыпанными снѣгомъ бо-лотными кочками мелькнула фигура материка.

Чуть-чуть побочилъ звѣрь, при видѣ стоящаго на чистинѣ человѣка, и мягкимъ, рѣшительнымъ скокомъ потянулъ къ спасительному, глухо шумѣвшему лѣсу. Съ своего номера, я могъ только полюбоваться внушительной фигурой сѣраго разбойника и пожелать ему сложить въ этотъ день широкую, лобатую голову. Стрѣлять было слишкомъ далеко.

Появленіе материка было такъ быстро и неожидан-но, что Вася, взявши уже своего перелярка за хвостъ, словно забылъ о лѣвомъ стволѣ и стоялъ неподвижно, провожая звѣря глазами. Неподалеку, въ гущинѣ, грянулъ дуплетъ, слившійся почти въ одинъ выстрѣлъ; картечь рѣзко за-щелкала по вѣткамъ передъ моимъ номеромъ, и изъ-за куста показалась бѣлая папаха Бориса.

Тутъ случилось что-то неожиданное и страшное. Вася взмахнулъ руками, рванулся впередъ и какъ подкошенный свалился лицомъ въ снѣгъ. Стая, растянувшись цѣпочкой, съ ревомъ вывалила по слѣду изъ камыша, мелькнула че-резъ поляну, и немного погодя азартный гонъ слился съ глухимъ шумомъ соснового бора. Вася лежалъ и не шеве-лился. Я бросился къ нему.

Тяжелое дыханіе заставило меня оглянуться. Бросивъ ружье, безъ шапки, съ блѣднымъ лицомъ, Борисъ пробѣ-жалъ мимо и, наклонившись надъ лежащимъ товарищемъ, силился поднять его.

— Вася, очнись, что съ тобой?—шепталъ онъ преры-вающимся голосомъ.

Перевернули мы раненаго на спину, посадили на снѣгъ, поддерживая подъ руку, и я замѣтилъ по словно недоумѣвающему, сразу измѣнившемуся лицу Васи, что дѣло плохо. Изъ-подъ полушубка, окрашивая снѣгъ, капала кровь. Не жалѣя губъ и легкихъ, затрубилъ я на «драку». Вдали, сквозь сыпавшійся снѣгъ, замаячили фигуры спѣшившихъ на сигналъ охотниковъ.

Доѣзжачій, на бурой отъ поту лошади, выбрался изъ болота на полянку, слѣзъ для чего-то съ сѣдла и, по колѣно въ снѣгу, торопливо направился въ нашу сторону.

Лѣсничій — ближайшій сосѣдъ Бориса по номеру — подспѣлъ раньше остальныхъ. При видѣ неподвижно лежащаго Васи, онъ, несмотря на свою толщину, пыхтя и отдуваясь, бѣгомъ приблизился къ намъ, проваливаясь на каждомъ шагу и почти падая отъ усталости.

— Поохотились! убили малаго! — крикнулъ онъ, отчаянно бросая шапку въ снѣгъ и ероша волосы. — Глаза гдѣ у васъ были, батенька? — совсѣмъ уже злобно обратился онъ къ несчастному Борису.

— Чѣмъ стрѣляли?

Вопросъ былъ лишній. Черный романовскій полушубокъ Васи подъ правой лопаткой былъ въ крови и нѣсколько круглыхъ дырочекъ, изъ которыхъ виденъ былъ мѣхъ, ясно говорили, чѣмъ сдѣланъ былъ этотъ роковой выстрѣлъ. Боря стрѣлялъ шаговъ на 60 картечью, изъ десятаго калибра, при усиленномъ зарядѣ пороха!

— Сашка! — гаркнулъ лѣсничій спѣшенному ловчему. — Скажи, не жалѣя лошади, въ село, вези доктора или фельдшера. Васю ранили. Скажи тамъ имъ. Живо!

Сашка мигомъ взлетѣлъ на своего киргиза и съ мѣста, въ карьеръ, тронулся по запорошенной снѣгомъ лѣсной дорожкѣ.

— Да холста на бинты захвати побольше! Слышь, дубина? — рывкнулъ лѣсничій въ догонку озлобленнымъ голосомъ.

— Ну, ждать нечего! — безапелляціонно рѣшилъ подошедшій казначей, забрасывая ружье за спину и растягивая на снѣгу бѣлую бурку, съ которой не расставался даже на

номеръ. — Кладите его тихонько, берите концы. Такъ. Въ ногу, ровнѣе! Ну!

Тихо, нога за ногу, двинулись мы къ сторожкѣ цѣлкомъ, чтобы сократить разстояніе. Вдали собаки заливались по зрячему.

Кто-то побѣждалъ впередъ, чтобы успѣть приготовить постель и послать лошадей за земскимъ врачомъ и на всякій случай за священникомъ: раненый былъ плохъ. Вася, блѣдный отъ потери крови, съ полузакрытыми глазами, съ закушенной отъ боли губой, безжизненно, въ тактъ шага, покачивался на туго растянutoй буркѣ. Лѣсничій сурово шелъ сзади, потупивъ голову.

II.

Постель была уже приготовлена и лошади посланы куда слѣдуетъ, когда мы, наконецъ, добрались до сторожки. Потапычъ широко распахнулъ двери и суетливо бросился оправлять подушки. За печью мелькнуло разстроенное личико хорошенькой его внучки.

Васю посадили на лавку и осторожно стали снимать съ него полушубокъ. Туго завязанный шарфъ, стягивавшій ему грудь, разрѣзали, и приступившій къ перевязкѣ, съ полотенцемъ въ рукахъ, лѣсничій, немного понимавшій въ медицинѣ, поблѣднѣлъ еще больше и сталъ еще суровѣе, взглянувши на рану. Она была очень опасна—это понималъ каждый изъ насъ, и гробовое молчаніе воцарилось на минуту въ избушкѣ, нарушаемое только мѣрнымъ тиканьемъ дешевенькихъ стѣнныхъ часовъ да хриплымъ дыханіемъ раненаго. Въ груди Васи было шесть картечей крупнаго калибра.

— Пить!—прошепталъ Вася едва слышно.

— Потапычъ, шмыгая сбитыми валенками, торопливо бросился въ сѣни и принесъ желѣзный корчикъ. Раненый, приподнятый подъ плечи, жадно выпилъ его до дна и безсильно уронилъ на подушку голову.

За столомъ, какъ пришелъ, въ полушубкѣ и шапкѣ, опустивъ голову на руки, беззвучно рыдалъ Борисъ, не глядя на умирающаго товарища.

Снѣжокъ, порошившій съ утра, пересталъ, и изъ-за тучъ выглянуло солнце. Но нерадостную картину озарило оно. Лицо раненаго, при солнечномъ свѣтѣ, казалось, стало еще блѣднѣе, еще безпомощнѣе. До слезъ тяжело было смотрѣть на бѣднаго Васю, часъ назадъ полного силъ, а теперь умирающаго, безсильно раскинувшагося на тощей лѣсниковой рядннкѣ. Выгнать картечь безъ инструментовъ нечего было и думать; везти его въ такомъ положеніи въ городъ, за 20 верстъ, тоже было невысказуемо;—приходилось ждать хоть какой-нибудь помощи отъ земскихъ эскулаповъ и волей-неволей покориться обстоятельствамъ, такъ неудачно для насъ сложившимся. Лѣсничій, наложивъ, какъ умѣлъ, перевязку, мрачно курилъ, прислонившись къ дверному косяку, мѣняя папиросу за папиросой.

Раненый, обезсиленный потерей крови, лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами, и губы его иногда слабо, беззвучно шевелились. Напрасно напрягали мы все вниманіе, стараясь уловить, что онъ хочетъ сказать. По движеніямъ губъ мнѣ казалось, что слово это было—Маша.

Тутъ я вспомнилъ, какъ вчера, въ этой самой комнатѣ, лѣсничій подсмѣивался надъ нимъ, намекая на его сердечныя дѣлишки. Видно у бѣдняги была уже привязанность и онъ думалъ о своей Машѣ даже въ эту тяжелую для него минуту.

Сознавать свое безсиліе, при всемъ желаніи помочь, и смотрѣть на предсмертную агонію было тяжело. Я вышелъ изъ хаты.

Лѣсъ былъ покоенъ, угрюмъ и полонъ того таинственнаго, глухого гула, который слышенъ въ бору во время вѣтра.

Стая галокъ, торопливо работая крыльями, низко тянула надъ крышей. Небо начинало снова хмуриться и, казалось, каждую минуту новыя тучи снѣга готовы были посыпаться на озябшую землю.

Эта угрюмость вѣкового бора какъ нельзя болѣе соответствовала нашему настроенію и тѣмъ печальнымъ, жуткимъ рѣчамъ, которыя я услыхалъ, вернувшись въ сторожку.

— Вася, родной, прости меня, прости!—прерывающимся

голосомъ шепталъ Борисъ, стоя на колѣняхъ у изголовья умирающаго.

Подернутыя синевой вѣки Васи чуть замѣтно дрогнули. Правая рука поднялась и снова бессильно упала на разостланную бурку.

— Темно какъ... Почему такъ темно? — чуть слышно заговорилъ раненый. Грудь его дышала тяжело и неровно.

А свѣта было вволю. Зимній солнечный лучъ, снова пробившись сквозь тучи, весело заливалъ аккуратно выбѣленные стѣны маленькой комнатки и ярко отражался на мѣдномъ вѣнчикѣ иконы въ красномъ углу. Сверчокъ робко и монотонно скрипѣлъ подъ печью; худой сѣрый котенокъ, выгибая спину, шаловливо игралъ на земляномъ полу съ соломенкой, перебирая мягкими лапками.

— Приподнимите меня... — тихо, съ усиліемъ зашепталъ умирающій. — Такъ... Всѣ здѣсь?... кажется... спѣта моя... пѣсенка. Холодно тутъ... въ груди. Руку дай, Боря. Ты... не горюй, я вѣдь знаю, ты... нечаянно.

Послѣднія слова онъ произнесъ чуть слышно; кровавая пѣна показалась на губахъ. Вася съ усиліемъ сжалъ руку товарища и опустилъ на подушку голову, дыша тяжело и прерывисто.

Минуты двѣ онъ лежалъ неподвижно, сдвинувъ темныя брови, словно сился припомнить что-то.

— Вотъ... — заговорилъ снова раненый, — книжку изъ кармана записную... достаньте... карточка тамъ моя... Ма-шѣ... кузинѣ... снялся... А ты, дядя, матери... Охъ!.. скоро... не охотья никогда,... Боря.. матери...

Крупная слеза скатилась изъ глазъ умирающаго при воспоминаніи о матери.

— Все сдѣлаю, Вася, — глухо проговорилъ лѣсничій, смахивая слезы.

Тихо, едва дыша, стояли мы у скорбной постели, стараясь не проронить слова изъ послѣдней его воли. Старый лѣсникъ, склонивъ голову, сурово и строго глядѣлъ потухшими глазами въ лицо умиравшему, шепча что-то синими губами и издали благословляя Васю высохшей, желтой рукой.

Внезапныя рыданія заставили меня оглянуться. Молоденькая лѣсниковъ внучка истерично колотилась въ углу, припавъ хорошенькой черноволосой головкой къ кадкѣ съ водой.

Лѣсникъ махнулъ ей рукой. Дѣвушка вышла.

— Отходить! — прошепталъ Потапычъ, вглядываясь въ блѣдное, красивое и спокойное лицо общаго нашего любимца, надъ которымъ уже леталъ ангелъ смерти.

— Прости ему, Господи, грѣхи его вольные и невольные!

Послѣднія минуты Васи были сочтены. Повидимому онъ умиралъ совершенно спокойно. Дыханіе, чуть замѣтно, неровно поднимало его грудь; съ лица сбѣжало выраженіе предсмертной муки. Углы губъ его чуть замѣтно дрогнули. Что-то заклокотало у него въ горлѣ, оборвалось, и лицо приняло мистическій отпечатокъ загадочнаго, предсмертнаго спокойствія. Вася сдѣлалъ слабое движеніе руками, какъ-то разомъ вытянулся и замеръ. Пѣсенка его была спѣта.

— Царство тебѣ небесное, сердечный ты мой! — глухо всхлипнулъ лѣсникъ, тяжело опускаясь на колѣни. — Безвинно постраждалъ, покойничекъ. Упокой твою душеньку Царица небесная!

Всѣ мы молча стояли кругомъ. Рука Васи такъ и замерла, держа руку своего невольнаго убійцы-товарища. Это ли не прощеніе?

Рѣзкій топотъ въ карьеръ идущей лошади прогремѣлъ по доскамъ мостика; слышно было, какъ спрыгнулъ съ нея кто-то, звонко стукнувъ каблуками о намерзшія ступени низенькаго крылечка. Минуту спустя доѣзжачій Сашка, внося съ собой облако морознаго воздухъ, грузно ввалился въ хату и, видя зажженную свѣчу въ рукѣ покойника, разомъ бухнулъ на колѣни.

— Ъдутъ! — проговорилъ онъ сорвавшимся голосомъ.

Неподвижно стоя у изголовья, такой же блѣдный, какъ и Вася, Борисъ не сводилъ взгляда съ товарища. Глубокая складка залегла у него между бровями. Какъ бы окончательно рѣшившись на что-то, онъ сталъ спокоенъ и сосредоточенъ.

— Прощай, Вася! Прости! — тихо съ сухими глазами, страннымъ, звенящимъ голосомъ проговорилъ Борисъ, припавъ головой на друдъ убитаго и цѣлуя его руки. Медленно высвободивъ свои пальцы изъ руки мертвеца, поклонился онъ въ землю, не торопясь обиль соломѣ съ полушубка и, записавъ что-то въ памятной книжкѣ Васи, вышелъ. Мы хранили попрежнему глубокое молчаніе, и тишину нарушалъ только старческій шепотъ молившагося передъ образомъ лѣсника, да слабое тиканье часового маятника.

Глухой раскатъ выстрѣла, грянувшаго гдѣ-то такъ близко, что зазвенѣли оконныя стекла, словно ударилъ насъ по нервамъ. Мы переглянулись, и недоброе предчувствіе сдавило сердце. — Неужели и этотъ? — вертѣлся въ головѣ невысказанный вопросъ.

Всѣ бросились къ двери и выскочили на дворъ для того, чтобы увидѣть финалъ охоты нашей, начавшейся такъ удачно и весело.

Шагахъ въ пяти отъ сторожки, неестественно раскинувъ руки, лежалъ Борисъ, убитый наповаль, съ безформенной кровавой массой вмѣсто головы. Дымившійся Пиперь валялся тутъ же, блестя на снѣгу вороненымъ приборомъ, а отбившійся отъ стаи чепрачный костромичъ Соловей, Боринъ любимецъ, положивъ лапы на грудь убитаго и поднявъ умную морду кверху, протяжно и жалобно вылъ, наклоня по временамъ голову и всматриваясь въ обезображенное лицо погибшаго юноши.

Священникъ съ запасными дарами и фельдшеръ пріѣхали слишкомъ поздно.

А. В. Марковъ.

